

Снаряжение верхового коня скотоводов Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н. э.

ИРИНА ДМИТРИЕВНА ТКАЧЕНКО

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела спецхранения
e-mail: iriser@inbox.ru

В статье освещаются вопросы истории формирования и развития комплектов верхового конского снаряжения на территории Сибири и Центральной Азии (у якутов, хакасов, бурят, тувинцев, алтайцев, киргизов и казахов) с момента появления седла с жесткой деревянной основой в начале I тыс. до этнографической современности. Рассматривается конструкция седельных ленчиков, уздечные (узды и недоуздки) и седельные (стремена, чепрак, тебеньки, покрывка на круп) наборы. На археологических и этнографических материалах автор выделяет три основных комплекса: северный (якуты, хакасы, прибайкальские буряты), западный (алтайцы, казахи, киргизы) и южный (тувинцы, забайкальские буряты), описывает их сходства и различия, которые касаются не только конского снаряжения, но проявляются и в других сторонах материальной и духовной культуры рассматриваемых народов.

Ключевые слова: снаряжение верхового коня, скотоводы-кочевники Южной Сибири и Центральной Азии, когурёское седло, древнетюркское седло.

UDC 391.982

The Riding Horse Equipment Among the Cattle-Breeders of Siberia and Central Asia in the 1st – 2nd Millennium A.D.

IRINA D. TKACHENKO, Ph.D. (History)

Senior Researcher, Department of specialized keeping
e-mail: iriser@inbox.ru

The article deals with the genesis and development of the riding horse equipment on the territories of Siberia and Central Asia (among Yakuts, Khakass, Buryats, Tuvans, Altaians, Kyrgyzs and Kazakhs) from the period of invention a saddle with a firm wooden frame in the early first millennium A.D. up to the ethnographic modernity. The author studies the construction of saddle trees, bridle sets (consisting of bridles and halters) and saddle sets (which include stirrups, blankets, flaps and cover for horse's croup) On the basis of archaeological and ethnographic items, the researcher establishes three main assemblages: the northern assemblage (the Yakuts, Khakass and Baikal Buryats), the western assemblage (the Altaians, Kazakhs and Kyrgyzs) and the southern assemblage (the Tuvans and Transbaikalian Buryats), describes their similarities and differences not only where their horse trappings are concerned, but also as regards some other features of these peoples' material and spiritual culture.

Key words: horse equipment and harnesses, nomadic cattle-breeders of Southern Siberia and Central Asia, the Koguryō saddle, the old Turkic saddle.

В середине I тыс. до н. э. (скифское время) на территории Евразийских степей начинает складываться хозяйственно-культурный тип кочевых скотоводов, этот процесс завершается

к середине I тыс. н. э. (древнетюркское время). Особое место лошади в культуре кочевников определяется ее ролью в хозяйственной деятельности. Использование лошади в качестве

вьючно-верхового животного дает возможность кочевания и возможность содержания значительного поголовья скота. Открытие самой верховой езды, а также позднейшие технические усовершенствования (изобретение и развитие седла с жесткой деревянной основой и стремян) предоставляли новые возможности, прежде всего, в военном деле и влекли за собой значительные изменения в тактике ведения боевых действий. Немаловажную роль в хозяйстве играли получаемые от лошади мясо, молоко, шкура и конский волос.

Кочевники скифского времени использовали для верховой езды так называемое «мягкое седло», состоявшее из двух кожаных подушек, набитых волосом или травой. Эта конструкция хорошо изучена по находкам в Пазырыкских курганах V—III вв. до н. э., где в слое мерзлоты сохранились органические материалы: дерево, кожа, текстиль, а также мумии людей и лошадей. В начале I тыс. н. э. в хунно-сяньбийской среде на севере Центральной Азии появляются первые седла с жесткой деревянной основой и стремянами. Они произвели настоящую революцию, прежде всего, в военном деле, и с этого времени начинается отсчет новой археологической эпохи — времени доминирования на исторической арене древних тюрок.

События, происходившие в VI—X вв. на территории Южной и Юго-Восточной Сибири (Алтай, Минусинская котловина, Тува, Северная Монголия и восточное Прибайкалье) заложили основы культурной модели, развивающейся затем на протяжении последующих поколений. Это было время постоянных войн, когда на политической арене сменяли друг друга многочисленные полиэтничные государственные объединения кочевников¹. Созидательная энергия населения была направлена на модернизацию той стороны материальной культуры, которая была напрямую связана с военными действиями. Этим объясняется очень быстрое распространение на широкой территории прогрессивных изобретений в области конского и воинского снаряжения.

В этнографическое время сохраняется значительная роль верхового коня в культуре степных кочевников. Традиционный уклад жизни, характерный для кочевого мира на протяжении длительного времени, позволяет рассматривать археологические и этнографические материалы в едином культурном контексте. Изучение конского снаряжения в широком хронологическом диапазоне — с начала I тыс. н. э. до этнографической современности — позволяет выделить трансвременные комплексы, отдельные эле-

менты которых сохранились до сегодняшнего дня, а корни восходят к раннему средневековью и в некоторых случаях к скифской эпохе.

Источниками для настоящей работы стали археологические, известные, в первую очередь, по публикациям, и этнографические материалы, хранящиеся в коллекционных собраниях музеев Санкт-Петербурга — Российском этнографическом музее, Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) и ряде музеев Сибири: Алтайском государственном краеведческом музее (г. Барнаул), Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки (г. Бийск), Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартыанова (г. Минусинск), Национальном музее им. Алдан-Маадыр (г. Кызыл), Национальном музее Республики Алтай им. А.В. Анохина (г. Горно-Алтайск), Хакасском республиканском краеведческом музее (г. Абакан), а также в школьных музеях с. Саратан Улаганского р-на и с. Шыргайту Шебалинского р-на Республики Алтай². Помимо музейных собраний использовались полевые материалы автора, собранные во время экспедиций в Хакасии, Туве и Горном Алтае.

Несмотря на то, что в научной литературе часто используется термин «тип седла», единой типологии седел не существует. Как правило, типы выделяются на конкретном, чаще всего, узколокальном материале и при более широком — как территориально, так и хронологически — охвате их достаточно трудно соотнести между собой. Обзор этнографических предметов позволил предварительно наметить четыре типа седел, принципиально различающихся по конструкции ленчика, из них первые два являются базовыми, вторые два — производными от них.

I. *Седло с составным ленчиком*, состоящим из четырех частей (две полки и две луки) с округлыми, прямоугольными или подтреугольными луками. Повсеместно оно изготавливалось из березы. Луки устанавливались на полки и привязывались к ним кожаными ремнями через специальные сквозные отверстия. Такое подвижное крепление придавало гибкость конструкции седла, прочность которой обеспечивало небольшое количество составных частей.

Как показывает анализ археологического материала (подробнее об этом будет сказано ниже), генезис и развитие этого типа седла соотносится с кочевой культурой и связан с районами Дальнего Востока, севера Центральной Азии и Южной Сибири. Этот тип седла условно называется *южносибирским* (рис. 1).

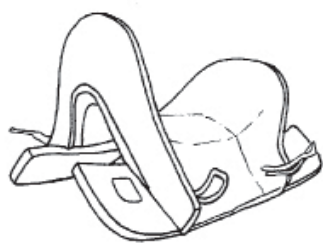

Рис. 1

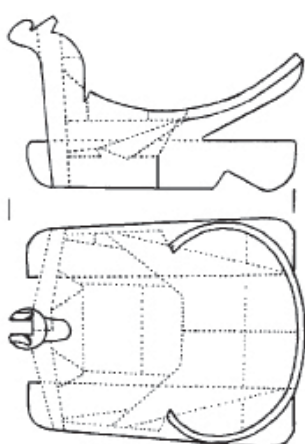

Рис. 2

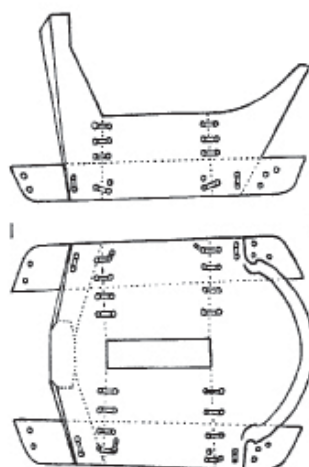

Рис. 3

Рис. 4

Типы седел:

Рис. 1. Седло с составным ленчиком и округлыми луками (тип I). РЭМ, колл. 12472-23

Рис. 2. Седло со сложносоставным ленчиком и фигурной передней лукой (тип II)
(По: Габбин Н., Производство седел (ленчиков), 1898)

Рис. 3. Седло с составным ленчиком и округлой передней лукой (тип III)
(По: Габбин Н., Производство седел (ленчиков), 1898)

Рис. 4. Седло с цельным ленчиком (тип IV)
(По: Антупина К.И. Особенности материальной культуры, 1962)

II. Седло со сложносоставным ленчиком, состоящим из более чем тридцати мелких деталей, вырезанных из ивы, с узкой передней лукой, которая заканчивается фигурной головкой, и с округлой задней лукой. Большое количество деталей, продуманное их соединение в зависимости от направления волокон дерева, а также обработка клеем, сухожилиями барана, пластинками из рога оленя, обтяжка ленчика берестой или кожей обеспечивают конструкции седла и гибкость и прочность.

Генезис и эволюция этого типа седла не исследованы, предположительно он соотносится с оседлой культурной традицией. Центрами изготовления таких седел во второй половине XIX в. были, в первую очередь, Ташкент и конкурировавший с ним Самарканд. Отсюда они расходились по всему Туркестанскому краю и далее. В связи с тем, что основными ремесленниками, занимавшимися изготовлением седел, были сарты, этот тип седла можно назвать *сартовским*. Также такое седло в литературе часто называют бухарским или андижанским³ (рис. 2).

III. Седло с составным ленчиком, состоящим из 4 частей, у которого узкая передняя лука

завершается прямоугольной или фигурной головкой или обе луки имеют выступ в излучине. Подобные седла особенно широко были распространены на Кавказе и в Казахстане (рис. 3).

IV. Седло с цельным ленчиком, вырезанным из одного куска дерева, как правило, из березы. По внешнему виду оно повторяет седло сартовского типа с передней лукой, завершающейся фигурной головкой. Подобные седла известны у киргизов и башкир (рис. 4).

В приведенной типологии не учтены так называемые казачьи или кавалерийские седла с луками в виде изогнутых металлических трубок, а также седла средневековых рыцарей Западной Европы, ковбойские, индейские, современные скаковые и спортивные седла, история происхождения и развития которых должна стать темой специальных исследований.

В настоящей статье рассматривается история развития седла первого — южносибирского типа. При этом основное внимание уделяется изменениям конструкции ленчика, т.к. именно седло является структурообразующим элементом комплекса конского снаряжения.

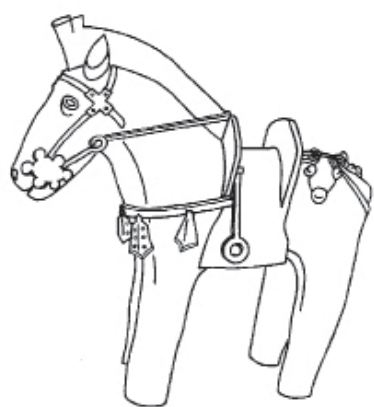

Рис. 5

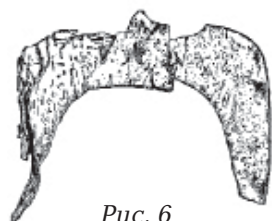

Рис. 6

Когурёское седло:

Рис. 5. Погребальная статуэтка ханива. Япония. VII в.
(По: Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии, 1991)

Рис. 6. Берестяная обкладка передней
луки седла. Уйбатский чаа-тас, склеп 1.

Хакасия. IV—V вв.
(По: Киселев С.В., 1951)

Наиболее раннее деревянное седло получило в литературе наименование *когурёского* по названию государства Когурё, существовавшего на севере Кореи и востоке Маньчжурии в I—VII вв., на территории которого зафиксированы первые его изображения⁴. Оно состояло из двух прямых деревянных полок и двух высоких, вертикально расположенных прямоугольных луков (рис. 5). Верхние края полок седла сходились вплотную, образуя сиденье, а скрепление с луками было жестким и неподвижным. Такая конструкция несколько сковывала движения всадника, но при этом давала опору при езде, что особенно важно было для тяжеловооруженного воина.

Вместе с седлом использовались железные стремяна. Самые ранние формы стремян имели круглый корпус и сверху высокую пластину, в которой имелось отверстие для стремянного ремня⁵. Стремяна прикреплялись к основанию передней луки. Таким образом, стремянной ремень не проходил под бедром всадника, и в седельном наборе отсутствовали тебеньки — специальные кожаные полотнища для защиты ноги человека от трения этим ремнем. Для защиты тела лошади от ударов стремянами под седлом располагался чепрак в виде длинных

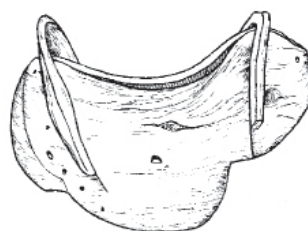

Рис. 7

Рис. 8

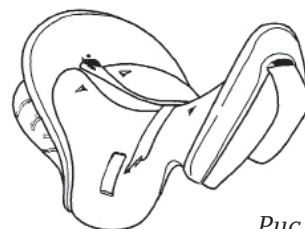

Рис. 9

Древнетюркское седло:

Рис. 7. Джолин III, кург. 2. Горный Алтай. VII—VIII вв.
(По: Кубарев Г.В., 2005)

Рис. 8. Кальджин-8, кург. 1. Горный Алтай. IX—X вв.
Реконструкция (По: Молодин В.И. и др., 2003)

Рис. 9. Яньху (Yanhu), погр. 2. Китай, провинция Синьцзян (Xinjiang). Эпоха Тан. (По: Müller Sh., 2009)

прямоугольных полотнищ, свисавших с боков животного. Для более прочного закрепления седла на спине лошади использовались нагрудный и подфейный ремни. Скорее всего, седло прикрывали седельной подушкой, однако по имеющимся изображениям об этом элементе комплекса судить довольно сложно.

Деревянное седло и стремяна существенно расширили возможности тяжеловооруженной конницы, панцирная защита коня и всадника создавала преимущества в наступательном бою. Древние тюрки восприняли эти изобретения в ранний период своей истории и способствовали их распространению в Евразии, в частности, в Южной Сибири, на среднем Енисее, где письменные источники фиксируют раннетюркское владение Цигу, соотносимое с поздним этапом таштыкской культуры⁶. Именно здесь в склепе Уйбатского чаа-таса сделана наиболее ранняя находка, которую можно интерпретировать как накладку на переднюю луку седла именно такого типа (рис. 6).

Вместе с древними тюрками идея изготавливать седло полностью из дерева и стремяна из железа попала на Алтай, и здесь, в среде горностепных скотоводов-кочевников, появились ее новые технологические решения.

Так, в Южной Сибири впервые появились стремена с ушком для стремянного ремня в виде петли — более простой и, вероятно, менее престижный вариант дальневосточного прототипа с ушком в виде высокой пластины⁷.

Здесь же, в Горном Алтае, в могильнике Яломан II⁸ найдено наиболее раннее седло, именующееся в литературе *древнетюркским*⁹.

Это седло имело невысокие округлые луки, форма которых восходит к форме распорок мягкого седла пазырыкской культуры V—III вв. до н. э.¹⁰. Его передняя лука располагалась практически вертикально, задняя лука была сильно отклонена назад — это давало всаднику большую свободу действий при сохранении прочности посадки. На нижнем краю полки имелась полукруглая лопасть (рис. 7—9). Луки и полки этого седла соединялись подвижным образом — с помощью тонких кожаных ремешков, продетых в специальные отверстия. Это придавало конструкции седла эластичность и долговечность, что было особенно важно в условиях кочевого быта.

Между верхними краями полок древнетюркского седла имелся небольшой зазор. Его генезис восходит к мягкому седлу, которое состояло из двух кожаных подушек, соединенных кожаной обтяжкой. Этот зазор между подушками оставляли для того, чтобы предотвратить контакт седла с позвоночником лошади. В конструкции мягкого седла он является необходимым, чтобы не допустить травмирования спины животного, в деревянном же ленчике он сохранился как рудимент, т.к. жесткая конструкция седла без дополнительного зазора позволяет избежать контакта седла с позвоночником лошади.

По изображениям можно судить о седельном наборе, бытовавшем с древнетюркским седлом¹¹. Стремянные ремни, как и у когурёского седла, крепились у основания передней луки, поэтому в седельном наборе отсутствовали тебеньки. Короткий чепрак имел трапециевидную форму, также имеющую аналогии в материалах пазырыкской культуры.

Таким образом, в древнетюркское время — во второй половине I тыс. н.э. — сложилось седло кочевников с сопутствующим ему седельным набором, который в дальнейшем претерпевает незначительные внешние изменения при сохранении основного конструктивного принципа. Довольно быстро древнетюркское седло распространилось за пределы Горного Алтая, в VII—VIII вв. оно встречается в Туве, Монголии, Китае, на Тянь-Шане и в Восточном Туркестане, а также в Поволжье и на Северном Кавказе¹² (рис. 9).

Археологические материалы позволяют утверждать, что оба седла существовали параллельно, оказывая взаимное влияние. Так, к середине II тыс. луки древнетюркского седла становятся выше и массивнее, они выполняют роль доспеха, защищающего в бою нижнюю часть тела всадника. Полукруглая лопасть на нижнем краю полки постепенно исчезает (рис. 10). В свою очередь задняя лука когурёского седла отклоняется назад, предоставляя всаднику большую свободу движения, а детали скрепляются с помощью кожаных ремешков, что придает гибкость конструкции седла (рис. 11).

С начала II тыс. на территории Южной Сибири появляется еще один подтип седла — с подтреугольными луками. Он представлен металлическими оковками из случайных находок в Минусинской котловине и в погребальных комплексах Тувы¹³. В XI—XII вв. население рассматриваемой территории практиковало обряд трупосожжения, который согласно сведениям китайских хроник был характерен для древних тюрков. Чаще всего его связывают с енисейскими кыргызами или их культурным влиянием. К сожалению, при таком обряде деревянные части седла не сохранялись и его конструкция остается неизвестной. Также нет никаких сведений о седельных наборах. Учитывая более поздние этнографические материалы, можно лишь предположить, что с этим седлом использовался длинный чепрак и тебеньки.

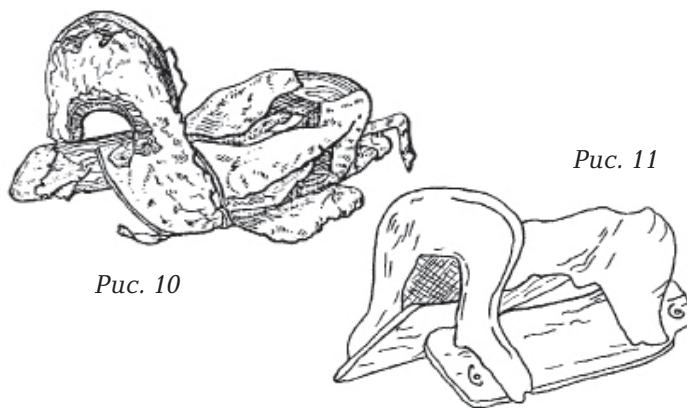

Рис. 10

Рис. 11

Седла начала II тыс.:

Рис. 10. Западный комплекс. Узун-Хая, грот 1. Минусинская котловина. XI—XII вв. (По: Кызласов И.А., 1983)

Рис. 11. Северный комплекс: Погребение на р. Хирхира — приток р. Аргунь. Быркинский р-н Читинской обл. XIII—XIV вв. (По: Вайнштейн С.И., 1966)

На Алтае седла с подтреугольными луками неизвестны. Однако в погребальных памятниках второй половины II тыс. на территории Тувы представлен только этот подтип седла¹⁴. Скорее всего, его генезис связан с ранними монголами, в Южной Сибири он появляется в период начала их политической активности и характерен для территории, входившей в состав Джунгарского ханства (1635—1758), основу которого составлял племенной союз монголоязычных ойратов.

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют, что к середине II тыс. н.э. на территории Южной Сибири сложилось три основных комплекса конского снаряжения.

Западный комплекс состоит из модернизированного древнетюркского седла с коротким чепраком без тебеньков, его генезис и эволюция связаны в первую очередь с территорией Алтая.

Основу *северного комплекса* составляет когурёское седло. Хотя своим происхождением оно связано с восточными районами Центральной Азии, а эволюция происходила под влиянием древнетюркского седла, однако в сложившемся виде оно сохранилось в культуре якутов — самых северных коневодов. Обширный материал по этногенезу якутов позволяет утверждать, что предки этого народа, отделившись от основного тюркоязычного массива, сохранили отдельные архаичные элементы культуры, относящиеся к эпохе позднего средневековья.

В основе *южного (монгольского) комплекса* лежит седло с подтреугольными луками.

На рубеже XIX—XX вв. в среде кочевников верховой конь оставался основным средством передвижения, и комплекс конского снаряжения являлся достаточно устойчивым компонентом традиционной культуры. Особенно интересны свадебные комплекты, т.к. предметы, связанные с праздничной и обрядовой сторонами жизни, обладают определенной консервативностью. Такие комплекты весьма широко представлены в музейных собраниях, поскольку верховой конь в праздничном убранстве был обязательной составной частью приданого у всех скотоводческих народов Сибири и Центральной Азии.

В настоящее время, несмотря на развитие современных видов транспорта и строительство сети автомобильных дорог, в ряде районов Тувы и Горного Алтая сохраняется значительная роль верхового коня. Традиционные деревянные седла практически вышли из употребления, иногда они используются на праздниках, в повседневной же жизни они повсеместно заменены на стандартные, фабричного

изготовления с луками в виде изогнутых металлических дуг. Уздечные и седельные наборы, изготовленные по традиционным технологиям, встречаются гораздо чаще. Так, например, парадные комплекты, состоящие из чепрака и покрышки на круп коня, обязательно имеются в ассортименте изделий любой народной мастерицы у якутов¹⁵.

Этнографические данные позволяют верифицировать выводы, полученные на археологических материалах. При рассмотрении снаряжения верхового коня наиболее информативными следует признать следующие элементы:

конструкцию седла: форма передней луки, место расположения отверстия для стремянного ремня, наличие или отсутствие зазора между полками;

декор седла: форма и расположение накладных металлических украшений;

конструкцию сбруйных ремней: широкие или узкие, составные или цельные;

декор сбруйных ремней: полностью покрыты металлическими украшениями или оформлены обоями;

состав седельного набора: наличие или отсутствие тебеньков, покрышки на круп коня, украшений на седло, форма чепрака.

Каждый из указанных элементов не является этноопределяющим признаком, лишь их сочетание в комплексе можно рассматривать как один из наиболее ярких показателей культуры конкретного народа. Различные сочетания указанных признаков позволяют выделить три этнокультурных комплекса, в целом совпадающих с археологическими.

Северный комплекс

В северный комплекс входят якуты, хакасы, прибайкальские буряты. В его основе лежит массивное седло с длиной полок до 60 см.

В культуре якутов сохранился наиболее архаичный его вариант с прямоугольными луками, креплением стремян к основанию передней луки и, как следствие, отсутствием тебеньков, а также с чепраком в виде двух полотнищ, соединенных ремешками под седлом (илл. 1, 2). Эти элементы являются наследием когурёского седла. Также у якутов распространены седла с округлой передней лукой, генезис которой восходит, вероятно, к древнетюркскому седлу.

В седельном комплекте якутов и хакасов имеется покрышка на круп коня, она привязывается к седлу сзади и не встречается в комплектах других народов¹⁶ (илл. 1). В якутском языке существует несколько терминов для ее обозна-

Илл. 1. Северный комплекс. Иван Гаврилович Васильев с оседланным конем. Якутск. 1906 г. Якуты.
РЭМ, колл. 932-6

Илл. 2. Северный комплекс. Свадебное женское седло. Якутская область. Конец XIX — начало XX в. Якуты.
Передано из музеев Московского Кремля.
РЭМ, колл. 8620-1. Фото автора

чения: *чаптарак*, *чаптырак*, *чапрак*, *чампарак*, чепрак называют словом *кычым*¹⁷. В хакасском языке используются аналогичные термины, соответственно, *чапрах* и *кичим*¹⁸. Подобное сходство элементов конского снаряжения и терминов, их обозначающих, свидетельствует о близких контактах предков якутов и хакасов в прошлом.

Передние луки седел хакасов и прибайкальских бурят (илл. 4, рис. 12) близки по форме. Другое сходство комплексов этих двух народов заключается в наличии специального украшения на праздничное женское седло — *татор*¹⁹ у хакасов и *аг-табша* (*ак-тамжи*)²⁰ у бурят. Эти украшения представляют собой рамку из кожаных ремней, украшенных металлическими бляшками. Они укладываются на седло поверх седельной подушки. Их происхождение на сегодняшний день не выяснено. Возможно, это рудимент какого-либо элемента седельного набора средневекового воина, практическая функция которого утрачена. Наличие столь специфического украшения в седельных комплексах только двух народов свидетельствует о тесных этнокультурных контактах предков этих народов.

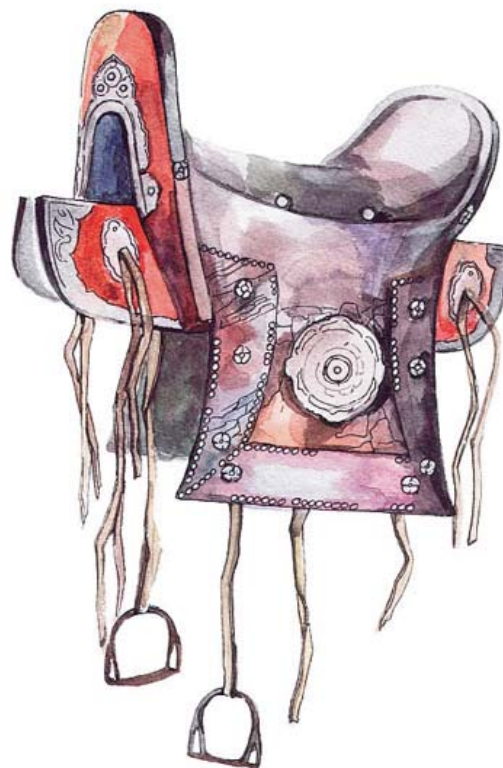

Рис. 12. Северный комплекс. Седло мужское. Забайкальская обл., Читинский уезд, с. Могойтуй. Конец XIX — начало XX в. Хори-буряты. Собиранье Л. Жабэ, 1910 г.
РЭМ, колл. 1897-2. Художник У.А. Кулогашева

Северный комплекс.

Илл. 3. Седло женское свадебное. Енисейская губ., Минусинский уезд, улус Копкоев. Конец XIX в. Хакасы. Собираетел А.В. Агрианов, 1904 г. РЭМ, колл. 600-104. Фото автора

Илл. 4. Седло мужское. Енисейская губ., Минусинский уезд. Конец XIX в. Хакасы. Собираетел Ф.Я. Кон, 1903 г. РЭМ, колл. 664-207. Фото автора

Западный комплекс

В западный комплекс входят алтайцы, казахи и киргизы. Его характеризует седло средних размеров с длиной полок приблизительно 50 см, преимущественно с широкими округлыми луками и зазором между верхними краями полок (илл. 5, 6). Отверстие для стремянного ремня располагалось в передней части ленчика — и тебенки, как правило, отсутствуют. В западном комплексе чаще использовался короткий трапециевидный кожаный чепрак, нижний край которого располагался выше уровня стремян²¹, тогда как в северном и южном комплексах чепрак опускается ниже стремян²². Все эти элементы, скорее всего, являются наследием древнетюркского седла²³.

Свадебное и праздничное женское седло у казахов и алтайцев покрывалось специальным покрывалом *бятельген*²⁴ <алт.> или *ат-турман*²⁵ <казах.>. Такое покрывало известно лишь в западном комплексе и не бытовало в северном и южном.

Надо отметить, что седельные комплексы казахов и киргизов отличаются значительно большим разнообразием, чем комплексы алтайцев. В южных районах Киргизии и Казахстана было распространено седло сартовского типа

(рис. 2) со сложносоставным ленчиком. Раньше такие седла чаще использовали женщины. Оно считалось более легким и удобным.

В западном и северо-западном Казахстане бытовали седла переходного типа (рис. 3). Скорее всего, появление таких седел с составным (из четырех частей) ленчиком и передней лукой в виде головки различной формы является результатом симбиоза седел *южносибирского* и *сартовского* типов, имевшего место в новое время и в период этнографической современности, т.к. в археологических материалах позднего средневековья такие седла не зафиксированы. Этот вопрос требует специального исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

Не менее широкое распространение в среде киргизов и казахов имели седла *южносибирского* типа (илл. 6) и седельные наборы, форма и украшения которых имеют близкие аналогии в культуре алтайцев. Этот факт свидетельствует о весьма близких контактах предков рассматриваемых народов.

Северный и западный комплексы объединяет бытование широких кожаных сбруйных ремней и стиль декора, при котором металл

Западный комплекс.

Илл. 5. Ленчик женского седла. Республика Алтай, Шебалинский р-н, с. Беш-Озёк. Середина XX в. Алтайцы. Собиратель И.Д. Ткаченко, 2007 г. РЭМ, колл. 12553-12. Фото автора

Илл. 6. Ленчик седла. Семиречье, Каракольский уезд, с. Тохтояновское. Конец XIX — начало XX в. Кара-киргизы. Собиратель Ф.А. Фильеструп, 1924 г. РЭМ, колл. 4203-17. Фото автора

полностью покрывает украшаемую поверхность — не только упомянутые ремни, но и лицевую (внешнюю) часть луки седла. Этот факт также свидетельствует об общих корнях и близких путях формирования обоих комплексов.

Южный комплекс

В основе южного комплекса, куда входят тувинцы, забайкальские буряты, частично теленгиты Восточного Алтая, лежит небольшое седло (илл. 7) с длиной полков около 45 см, редко до 50 см, подтреугольными луками и смыкающимися вплотную верхними краями полков (без зазора между верхними краями полков). Генезис этого седла изучен слабо. Скорее всего, оно возникло на той же территории, откуда на тысячу лет раньше произошло когурёское седло, которое в первоначальном своем варианте также характеризовалось отсутствием зазора между полками.

История развития этого седла связана с монголами, поэтому в литературе оно также называется *монголо-тувинским*²⁶. Отверстие для стремянного ремня располагается в средней части ленчика, он проходит под бедром всад-

ника и обязательно закрывается тебеньком. Очень своеобразна форма чепрака — длинный, зауженный книзу, со скругленными углами (рис. 13). Седельный набор изготавливается из кожи и украшается тиснением.

Уздечные и седельные ремни изготавливаются из узких двойных ремней, продернутых через трехстворчатые ушки бляшек или сплетенных друг с другом²⁷. Сами ремни укрепляются (и украшаются) металлическими обоймами.

Для южного комплекса характерен стиль декора, при котором металл покрывает только часть украшаемой поверхности.

Изучение комплекса предметов, составляющих снаряжение верхового коня у целого ряда народов на весьма значительной территории (от Якутии до Киргизии и Казахстана) и в широком хронологическом промежутке (с середины I тыс. н. э. до этнографической современности) позволяет сделать ряд важных выводов.

Конское снаряжение является одним из наиболее устойчивых элементов традиционной культуры скотоводческих народов. Именно здесь, пожалуй, наиболее четко отразилась

Илл. 7. Южный комплекс.
Седло верховое на коня. Начало XX в. Буряты.
Передано из Музея народов СССР.
РЭМ, колл. 8762-19551. Фото автора

характерная для них оптимизация материальной культуры, когда один раз найденное удачное технологическое решение принципиально в дальнейшем не изменялось, лишь приобретало иное декоративное оформление. Подтверждением этого тезиса является корреляция комплексов, выделенных с помощью методов двух разных наук — археологии и этнографии.

Северный и западный комплексы являются более ранними и имеют между собой больше сходства, чем оба они с более поздним южным комплексом. Выявленные различия касаются не только конского снаряжения, они проявляются и в других сторонах материальной и духовной культуры рассматриваемых народов, а также становятся своеобразной иллюстрацией событий этнокультурной истории, происходивших в регионе начиная с эпохи средневековья.

Ранняя этническая история населения Бурятии и Якутии связана в первую очередь с упомянутым в китайских летописях объединением курыкан — небольшим народом, основным занятием которого было коневодство. С ним соотносят курумчинскую археологическую культуру, распространенную на территории Прибайкалья в VI—X вв. В IX—XIII вв. в

Южной Сибири существовал Кыргызский каганат, в состав которого в разное время входили территории Минусинской котловины (Хакасия), Тувы, северо-западной Монголии, частично Предбайкалье. В среде этого населения в этнографическое время и бытует северный комплекс конского снаряжения.

Этнические процессы, происходившие в ареале бытования западного комплекса, связаны с государством кимаков (в IX—XI вв.) и ставших их наследниками кыпчаков (в XI—XIII вв.). В послемонгольское время территория Алтая как восточная периферия находилась в зоне влияния Ногайской орды и Узбекского ханства (XV—XVII вв.), что определяло тесные культурные контакты между этническими группами, вошедшими позднее в состав алтайцев, казахов и киргизов.

Формирование южного комплекса происходило под сильным влиянием монголов. Территория Забайкалья практически до конца XVII в. была заселена различными группами монголоязычного населения, которое в последующие столетия вошло в состав бурятского народа. Тува в течение нескольких столетий, особенно в XVI — первой половине XVIII в., входила в состав монгольских государств Алтын-ханов, а позднее — Джунгарского ханства, что не могло не отразиться, в частности, на характере конского убора.

Рис. 13. Южный комплекс. Фрагмент кожаного чепрака. Урянхайский край, бассейн верхнего Енисея, местность Джерджарик. Конец XIX в. Тувинцы. Собиратель Ф.Я. Кон, 1903 г.
РЭМ, колл. 623-58. Прорисовка автора

- ¹ Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. — Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1984. — С. 3.
- ² Автор приносит свою искреннюю благодарность сотрудникам названных музеев за доброе отношение и ценные научные консультации.
- ³ Махова Е.И. Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР и АН Киргизской ССР. Т. III. — Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1959. — С. 55; Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР. — Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1962. — С. 150, 151; Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. — Л.: Наука, 1971. — С. 153. О технологии изготовления и физических свойствах конструкции II и III типов седел см.: Габбин Н. Производство седел (ленчиков) // Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области. Т. VII. — Ташкент: Изд-во Сыр-Дарьинского областного статистического комитета, 1898. — С. 19—26.
- ⁴ Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. — М.; Л.: Наука, 1951. — 642 с.; Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Седло и стремя // Советская этнография. — 1984. — № 6. — С. 114—130; Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсы. К этнической истории корейцев. — М.: Наука, 1972. — С. 112; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII—XIII вв.). — М.: Наука, 1984. — С. 163; Müller Shing. Horses of the Xianbei, 300—600 AD: a Brief Survey // Horses in Asia: History, Trade and Culture. — Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 2009, S. 191.
- ⁵ Иллюстрацию см.: Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. — М.: Наука, 1991. — Рис. 98, 3; «Ветер в соснах...» 5000 лет корейского искусства. Каталог выставки. — СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2010.
- ⁶ Савинов Д.Г. Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. — СПб., 2005. — С. 252, 253.
- ⁷ Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии (тезисы научной конференции). — Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 1996. — С. 16—20; Нестеров С.П. Стремёна Южной Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 177, 178.
- ⁸ Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Т. IX. — Ч. I. — Новосибирск, 2003. — С. 493, рис. 2.
- ⁹ Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. — 1966. — № 3. — С. 68; Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос. — С. 184.
- ¹⁰ Савинов Д.Г. Древнетюркские племена. — С. 189.
- ¹¹ О седельном наборе древнетюркского седла можно судить, например, по: погребальной статуэтке Танского времени из Китая, хранящейся в Метрополитен музее в Нью-Йорке (Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы. Рис. 5); фигурке лошади из Астаны, из материалов сэра Марка Ауреля Стейна (Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туяк-Мазара // Сборник МАЭ. — Т. XII. — Л., 1949, рис. 5; Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы. Рис. 6); изображению всадника на сасанидском блюде из Эрмитажа (Забелина Н.Н., Ремпель Л.И. Согдийский всадник. — Ташкент, 1948, рис. 1) и др. См. также литературу в след. прим.
- ¹² Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тыс. н.э в западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. — Т. II. — М.; Л., 1966. — С. 327, 328; Müller Shing. Horses of the Xianbei., pl. 52, 55; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрк Центрального Тянь-Шаня // Российская археология. — 1999. — № 3. — С. 50—58; Крупнов Е.И. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов (по материалам Северокавказской экспедиции Государственного исторического музея 1935 г.) // Вестник древней истории. — № 2(3). — М., 1938. — С. 119; Синецын И.В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки Саратовского государственного университета. — Вып. XVII. — Саратов, 1947. — С. 24, 114, 131, 132.
- ¹³ Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // Советская этнография. — 1977. — № 1. — Рис. 4, 1—3; Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. — М.: Изд-во Московского государственного университета, 1969. — Табл. III, 94; Сунчугашев Я.И. Оружие и конское снаряжение средневековых хакасских воинов // Археология Южной Сибири. Известия кафедры археологии. Вып. 9 — Кемерово, Кемеровский государственный университет, 1977. — С. 137.
- ¹⁴ Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. — Л.: Наука, 1975. — С. 34—38.
- ¹⁵ Петрова С.И. Художественное шитье конского убранства якутов. Традиции и современность. — Новосибирск: Наука: 2011. — С. 60—69.
- ¹⁶ Изображение полных комплектов седла хакасов см., например: Иллюстрированная этнография хакасов. Альбом фотоматериалов Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова. — Абакан, 2004. — 103 с.; седло невесты, улус Асочаков, художник А.В. Воцакин, 1925 (www.frontiers.nsc.ru)
- ¹⁷ Пекарский Э.К. Словарь якутского языка в III тт. — Л.: Наука, [1927] 1959. — Стб. 1434, 3574.
- ¹⁸ Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. — Абакан, Хакасия, 1999. — С. 45, 210.
- ¹⁹ См. прим. 16, а также: Тюркские народы Сибири. — М.: Наука, 2006 (Серия «Народы и культуры»). — С. 570.
- ²⁰ Комплект к женскому седлу: а) нагрудный ремень; б) подфейный ремень; в) украшение на седло. Хори-буряты. Собиратель Л. Жабэ, 1909 г. РЭМ 1574-5; Комплект к женскому седлу: а) узда; б) украшение на седло. Буряты. Собиратель Г.П. Сосновский, 1933 г. РЭМ 5718-1; Праздничный седельный комплект: а) узда; б) нагрудный ремень; в) украшение на седло. Буряты. Собиратели Л.Г. Лельчук, В.А. Сорокин, 1959 г. РЭМ 7197-3; Украшение на праздничное женское седло. Хори-буряты. Собиратели Л.Р. Павлинская, А.Б. Спеваковский, 1978 г. МАЭ 6832-12.
- ²¹ Гуркин Г.И. Каталог выставки к 125-летию художника. — Горно-Алтайск: Ак-Чечек, без года. — Рис. 19.
- ²² Кочешков Н.В. Народное искусство монголов. — М.: Наука, 1973. — Рис. 66; Буряты. — М.: Наука, 2004 (серия «Народы и культуры»). — С. 97; Вайнштейн С.И. Мир кочевников. — Рис. 92; Даржа В.К. Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. — Кызыл, Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской Академии наук, 2003. — Фото 15.
- ²³ Ткаченко И.Д. Снаряжение коня в традиционной культуре алтайцев // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая. — Горно-Алтайск, Горно-Алтайский государственный университет, 2006. — С. 110; Ткаченко И.Д. Седельный комплекс алтайцев (история формирования и развития) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. — Вып. 7. — Барнаул: Изд-во Барнаульского государственного педагогического университета, 2008. — С. 78—82.
- ²⁴ РЭМ 598-77 — комплект свадебного седла: а) седло; б) уздечка; в) покрывало; г) подфейный ремень. Алтай-кижи. Собиратель Д.А. Клеменц, 1904 г.
- ²⁵ Рисунок из альбома В. Плотникова. Конь в свадебном уборе с покрывалом ат-түрман. Казахи. РЭМ. Илл. 17159.
- ²⁶ Вайнштейн С.И. Мир кочевников. — С. 211.
- ²⁷ Илл. уздечных ремней тувинцев см.: Даржа В.К. Лошадь. — Фото 8, 9, рис. 30.